

Вместо предисловия

О своих культурных потерях 1941–1945 годов в послевоенной России до конца XX века вспоминали неохотно и писали скупое. Процесс выяснения подлинных масштабов потерь в Советском Союзе был искусственно заморожен на десятки послевоенных лет. К сожалению, в России по фактам разграбления и уничтожения культурной собственности в период нацистской оккупации уголовных дел не заводили. Ограничились докладом на заседании Нюрнбергского трибунала фрагментарных исследований Чрезвычайной Государственной комиссии (ЧГК). Архивные свидетельства об утраченных ценностях, рассекреченные в конце 1990-х годов, привлекли внимание специалистов, занимающихся историей Второй мировой войны. В течение 2000–2007 годов доступные документы просмотрели свыше 4 тысяч исследователей из 30 стран. Однако к судьбе утраченных российских ценностей специального интереса никто из них не проявил. Историки привычно ограничивались общей оценкой: бесследно сгинувший в ходе войны массив культуры представлял собой существенную часть духовного наследия России.

Подготовка к изданию многотомного “Сводного каталога” утраченных музейных и книжных собраний началась в середине 1990-х годов. В российские и зарубежные архивохранилища под эгидой Министерства культуры Российской Федерации устремились добровольцы-волонтеры. Потребовалось немало интеллектуальных усилий, времени и энтузиазма, чтобы установить количество и качество утраченных ценностей, маршруты вывоза и места хранения на территории Германии “конфискованных” предметов.

Немало документально установленных ценностей российского происхождения, перемещённых во время войны в Европу, до настоящего времени находятся в государственных, муниципальных и частных собраниях Украины, Австрии, Франции, Швейцарии, Швеции, США и других стран. В 2013 году

Министерство культуры Российской Федерации, ссылаясь на финансовые трудности, **изданию Сводного каталога сказало “нет”**. Подготовленные к выходу очередные тома – о потерях музеев Твери и Гатчинского дворца – так и остались в рукописях. На полпути остановлены исследования культурных потерь Сталинграда, Ставрополя, Брянска, Курска, Великого Новгорода.

В изданных 20 томах (в 50 книгах) каталога отражены названия и краткие описания утраченных ценностей, которые удалось установить по инвентарным книгам музеев, архивам, воспоминаниям музейщиков-ветеранов. Часть экспонатов проиллюстрирована. Надежды на то, что все поименованные в каталоге экспонаты удастся найти и вернуть на родину, невелики. Тем более стоит рассказать об успешных попытках возвращения наших национальных ценностей и о безмерных трудностях в этой важной работе.

Дважды пленённый портрет

В ноябре 1996 года аукционный дом Кристи совместно с Советом еврейских общин Австрии провёл в Лондоне благотворительную продажу произведений искусства. В нашей стране этого события не заметили: художественный рынок у нас тогда отсутствовал. Не было и достойных покупателей-коллекционеров. Но репродукция одной из картин, проданных на лондонском аукционе, – “Портрет Петра Басина” работы Кипренского – привлекла внимание журналистки “Московских новостей”. Публикация, в свою очередь, заинтересовала волонтеров Министерства культуры, занятых формированием фундаментального издания Сводного каталога утраченных в период войны отечественных культурных ценностей. Им было известно, что это произведение принадлежит Русскому музею, оно учтено в его каталоге 1936 года издания. В архивных документах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков портрет упомянут в перечне похищенных и вывезенных нацистами музейных ценностей. Как же сложилась его военная и послевоенная судьба?

Довоенную историю неожиданно объявившегося за рубежом портрета удалось воссоздать благодаря документам, обнаруженным в российских архивах. Портрет Петра Васильевича Басина – художника и друга – Кипренский написал в 1829 году в Италии. В Русский музей произведение попало в 1918 году вместе с живописной коллекцией сахарозаводчика Терещенко. Его вдова передала ценности на хранение, оговорив условие: “Если коллекция не будет взята обратно мною или моими наследниками в течение 3-х месяцев по истечении срока хранения, то коллекция эта или невостребованная её часть переходит в собственность Русского музея”. Вдова скончалась в 1921 году, никем не востребованная коллекция стала собственностью музея. Здесь портрет благополучно находился до 1940 года, значился в каталоге художника, публиковался в каталоге выставки Кипренского в Третьяковской галерее в 1936 году.

В июне 1940 года Русский музей формирует передвижную выставку “Основные этапы развития русской живописи”. В состав передвижки включены 183 экспоната – произведения В. Тропинина, К. Брюллова, И. Сурикова, А. Иванова, И. Крамского, И. Репина и многих других прославленных мастеров. Среди них – “Портрет Петра Басина” кисти О. Кипренского. Выставку отправили в города Северного Кавказа, Донбасса и Крыма. Завершающий этап маршрута совпал с началом Великой Отечественной войны. Находившуюся в Крыму выставку, согласно полученной из музея инструкции, передали во временное пользование администрации Воронцовского дворца.

Документы Государственного архива РФ свидетельствовали: в августе 1941 года ящики с имуществом дворца и упакованными экспонатами Русского музея попытались из Крыма эвакуировать. Когда груз доставили к причалам Ялты, выяснилось: последний транспорт на Новороссийск ушёл. Ящики с картинами были оставлены у пустынных пакагузов причала. Ответственный за эвакуацию груза сотрудник Воронцовского дворца, обнаружив появление в городе немецких мотоциклистов, скрылся. Передовые спецкоманды вермахта, очищая причалы Ялты, брошенные ящики без предварительного осмотра вернули в Алупку.

Других сведений о дальнейшей судьбе “пленённых” в Крыму картин в российских архивах не имелось. Составители Каталога срочно обратились к трофейным документам Оперативного штаба Розенберга, занимавшегося

“конфискацией” имущества советских музеев и библиотеки. Группа волонтеров во главе с научным сотрудником Государственного архива РФ Андреем Никитиным тщательно исследовала в архивах Киева подлинные документы Штаба со списками “конфискованных” и вывезенных за пределы СССР музейных и библиотечных ценностей. Некоторые детали злоключений передвижной выставки Русского музея были установлены.

В самом начале оккупации Крыма в Воронцовский дворец в Алушке, где находилась “передвижка” Русского музея, наведались офицеры штаба фельдмаршала Манштейна. Их интересовали картины для украшения штабных кабинетов и “сувениры” для отправки семьям в *Deutschland*. Позднее в “свободную от боевых действий зону” устремились представители разного рода специальных команд. Одни “брали под контроль” свидетельства об оказании влияния готской культуры на культуру местных народов. Команда СС “Анненербе” (“Наследие предков”) отбирала и вывозила на эсэсовские сборные пункты, а оттуда в Германию музейные коллекции, иллюстрирующие могущество “империи готов в Южной России”. По замыслу шефа СС Гимmlера, крымские находки должны были помочь убедить мировую общественность в правомерности захвата южных территорий СССР. Окружающие грозного шефа интеллектуалы рассматривали Крым как территорию “законного заселения этническими немцами”. Ценности крымских дворцов и музеев команды СС направляли не только в Берлин – для изучения, но и для украшения Вевельсбурга – роскошного замка, принадлежавшего Гимmlеру.

К исполнению своих обязанностей приступили эксперты оперативного штаба Розенберга, которым в зону боевых действий вход был затруднен. Их мобильные команды совершают стремительные рейды в Севастополь и Бахчисарай, в Гурзуф и Ялту. Оценкой сохранившихся культурных ценностей эксперты штаба займутся позднее. А пока надо “застолбить” объекты религии и культуры на территории Крыма.

Возвращенные с причалов Ялты ящики, не вскрытые эсэсовцами и специалистами вермахта, два месяца пролежали в подвалах Воронцовского дворца. Опытные “мастера конфискации” ценностей, занятые изучением и оценкой захваченных богатств, не предполагали, что русские могли бросить на произвол судьбы живопись из всемирно известного музея. Предполагалось, что в ящиках находятся старинные книги.

Извлеченные картины Русского музея изумили экспертов оперативного штаба Розенберга и тут же подверглись строгой оценке. В Берлин срочно был отправлен отчет: “Картины дают полное представление о русском искусстве XVIII и, главным образом, XIX столетия. Очевидно, для удобства перевозки передвижной выставки музеев отбирал картины небольшого формата, среди них много эскизов. Представлены почти все ведущие русские художники (Репин, Врубель, Маковский и др.). Несколько картин, общее число которых составляет 183, уже пропали. Они были похищены вскоре после захвата Алушки и Ялты. Оставшиеся картины дают всё же представление о русской живописи. Разделять этот фонд для того, чтобы украсить немецкие служебные помещения, не рекомендуется. . . Целесообразно отправить эти картины в Берлин и присоединить их к фонду большевистских картин, который взят Оперативным штабом Розенберга под охрану”.

В конце октября 1942 года эксперт штаба д-р Роскамп сообщает руководству в Берлине, что “63 полотна из экспозиции передвижной выставки Русского музея подготовлены к отправке в Берлин. Часть из них уже перевезена в Симферополь”. Согласно предписаниям берлинского руководства, конфискованные в Крыму ценности надлежало отправлять на киевский сборный пункт, поскольку “создание и сохранение музеев в Крыму не планируется”. Под ударами наступающей Красной армии оперативный штаб начал спешную отправку картин Русского музея на сборный пункт в Киеве. Из пакгаузов сборного пункта их в рулонах вывозили через Краков на территорию Германии. Здесь награбленные ценности складировали в тайных хранилищах замков и монастырей.

Обнаруженные в американской зоне оккупации Германии предметы культуры и искусства отправлялись на мюнхенский коллекционный пункт. Из Мюнхена в советский сектор Берлина прибыло несколько железнодорожных транспортов с найденным американскими поисковиками имуществом советских церквей и музеев. Тысячи ящиков и упаковок около полутора лет находились

в не приспособленных для хранения живописи пакгаузах Восточной гавани Берлина, дожидаясь возвращения на родину. Вместе с произведениями Русского музея здесь томились ценности императорских дворцов-музеев.

Найденные на территории Германии 34 картины из 183 картин довоенной выставки были доставлены в Русский музей в январе 1948 года. Работы Кипренского среди возвращённых произведений не было.

В послевоенное время руководство Русского музея пыталось организовать поиски своих экспонатов в Крыму. Результат был обескураживающим: большинство из 25 найденных здесь картин Русского музея украшали интерьеры дворца в Алушке. В Москве намерение Русского музея вернуть в родные стены картины признали “преждевременным”. В 1956 году по воле киевских властей Алушкинские дворец преобразовали в музей. И некоторые картины загадочным образом исчезли. Правда, и среди них портрета Петра Басина не было. Благодаря настойчивости руководства Русского музея, удалось в родные стены вернуть 11 произведений. Местонахождение большинства произведений знаменитой “передвижки” до сих пор установить, как говорится, не представилось возможным. Где-то в безвестности томятся прекрасные произведения Брюллова, Боголюбова, Венецианова, Верещагина, Кустодиева, Лагорио, Маковского, Матвеева, Серова и многих других мастеров, достойно представляющих русскую классику.

Но как сложилась послевоенная судьба портрета Басина?

По одной версии, часть картин американцы передали австрийским властям. В 1984 году в американской газете “Арт Ньюс” появилась публикация о том, что в хранилищах австрийского монастыря Мауэрбах с военных времён томятся несколько тысяч неопознанных произведений искусства. Позднее подтвердилось: в “спецхране” монастыря на окраине Вены в течение всех послевоенных лет действительно хранились награбленные нацистами культурные ценности.

Аукционный дом Кристи в 1996 году предложил австрийским властям провести торги и выставить на них 800 предметов искусства из хранилищ Мауэрбаха. Торги замышлялись как благотворительная акция в пользу Союза еврейских общин Австрии. Договор был заключён. На продажу заявили никем официально не разыскиваемый шедевр О. Кипренского. В учётных документах хранилища “Портрет Петра Басина” проходил по спискам конфискованной нацистами собственности австрийских евреев и в каталог торгов был внесён под № 583.

Накануне торгов Аукционный дом Кристи в адрес Русского музея направляет фотографии выставленного на торги “Портрета Басина” и просит подтвердить его подлинность. К просьбе Аукционного дома в музее отнеслись со всей ответственностью и подлинность произведения подтвердили. Однако о том, что оно принадлежит музею, умолчали. Ларчик открывался просто – приказ министра культуры СССР от апреля 1957 года предписывал Русскому музею исключить из инвентарных книг 2.884 предмета, включая и найденные произведения передвижной выставки 1940 года. Таким образом, со времени подписания приказа “Портрет Басина” формально за Русским музеем не значился.

На торгах Аукционного дома Кристи в Лондоне портрет при стартовой цене 47.000 долларов ушёл с молотка за 170.000. Добросовестный приобретатель пожелал остаться “в тени”. Он стал законным собственником произведения, поскольку в каталоге аукциона не было указаний на факт довоенной принадлежности портрета Русскому музею. Этот приобретатель, бесспорно, был знатоком высокого искусства и по достоинству оценил кисть русского классика.

В Департаменте по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ решили до конца размотать запутанный клубок судьбы портрета. Впервые столкнувшись с “цивилизованным” сбытом отечественной собственности, эксперты ломали голову: куда и к кому обращаться, как узнать хотя бы фамилию и адрес анонимного приобретателя портрета? Ведь аукционы сведений о своих клиентах не разглашают. Возникла идея – провести очередную предаукционную выставку Дома Кристи в Москве. В октябре 1997 года на открытие выставки, как и ожидалось, в нашу столицу приехали руководители известного аукциона. Они с интересом восприняли “военную” историю картины О. Кипренского и рекомендовали подготовить письмо для юристов анонимного владельца. В ноябре руководители Дома Кристи, рассмотрев предоставленное “резюме” Министерства культуры, попросили прислать дополнительные

документы, подтверждающие право Русского музея на “Портрет Басина”. В Русском музее оперативно подготовили заверенные копии акта поступления произведения в музей, выписки из книги поступлений, акта временной выдачи и другие материалы. Документы были тщательно изучены юристами Аукционного Дома Кристи и переданы анонимному владельцу портрета.

Через некоторое время пришло известие, в котором коллекционер и предприниматель, президент Нью-Йоркского музея современного искусства, экс-посол США в Австрии Рональд Лаудер сообщил о своём решении передать картину России. “Я возвращаю её в Русский музей как подарок от моей супруги и меня к 100-летию юбилею музея. Я всегда восхищался Русским музеем и надеюсь в будущем увидеть “Портрет Петра Басина” в его собрании”.

После 58-летнего заточения в пакагазах оперативного штаба Розенберга и хранилищах австрийского монастыря Мауэрбах произведение Ореста Кипренского в марте 1998 года в торжественной обстановке было передано Государственному Русскому музею, где ему присвоили новый инвентарный номер.

Криминальная история мозаики янтарной комнаты

После тщетных многолетних поисков пропавшей во время Великой Отечественной войны Янтарной комнаты советские власти решили воссоздать её интерьер общей площадью около 100 кв. м. Восстановление живописного плафона, позолоченной резьбы, наборного паркета и янтарных панелей утраченного шедевра Правительство поручило объединению “Реставратор”. Были отпущены огромные средства – свыше 11 млн долларов (7 млн – доля России, 4 млн – доля германского концерна “Рургаз”). Из Калининграда в мастерскую объединения поступило 10 тонн янтаря, 6 тонн прибыло из Германии. По первоначальному подсчётам, на панелях должно было поместиться около 860 кг янтарного резного убранства.

Группа реставраторов после продолжительного изучения исторического материала и тщательной отработки технологических приёмов в 1984 году приступила к предварительному этапу воссоздания янтарного шедевра, самого дорогостоящего произведения, безвозвратно утраченного во время войны.

Немало усилий и времени потребовал сбор самоцветного сырья и поиск цветовой решения 4 подлинных флорентийских мозаик. Они располагались в центре экспозиции в широких настенных панно, заключённых в рамы. Изготовленные во Флоренции мозаики, по замыслу гениального Растрелли, были одним из ключевых элементов художественного убранства уникальной комнаты. Как выяснилось, профессионально занимающихся обработкой янтаря мастеров в Германии и Польше не осталось, в Италии культура работы с флорентийской мозаикой оказалась утраченной. Пришлось заняться изобретением станков для обработки материала и подготовкой мастеров.

Музей янтаря г. Калининграда предоставил возможность в течение 2-х лет работать над фрагментами Янтарной комнаты в масштабе 1:1. Предварительно реставраторы взялись за изготовление копий янтарных изделий из коллекции Государственного Эрмитажа, Екатерининского и Павловского дворцов, Оружейной палаты Московского Кремля, отреставрировали янтарную шкатулку и зеркало Петра I, посох и распятие из Оружейной палаты. В процессе этой работы осваивались технологии художественной обработки янтаря. Результаты, сверенные с произведениями польских и немецких мастеров, показали, что поиски российских реставраторов идут в правильном направлении.

Одна из основных проблем – решение цветовой гаммы будущих панелей. К началу XX века многие секреты мастерства и технологии, в том числе и окраски янтаря, были уже утрачены. Рецепты зарубежных мастеров оставались глубокой тайной. Исследования в архивах привели к важному открытию: в найденном донесении поручика Андриянова от 3 августа 1762 года говорилось о “варении” янтаря при изготовлении Янтарной комнаты в Царском Селе: “Сего потребно к янтарным работам для варения янтаря масла репного 12 фунтов, для мытья вареного янтаря мыла 4 фунта, гумми-мастики 2 фунта, свеч простых сальных – 100 для дачи мастерам в ночное время”.

К работе реставраторов были привлечены специалисты кафедры технологии органических красителей Ленинградского технологического института. В 1988 году была защищена кандидатская диссертация и выданы два авторских свидетельства на изобретение способа окраски янтаря.

Сложной проблемой для российских мастеров-камнерезов обернулось воссоздание 4 флорентийских мозаик с изображением аллегорий пяти человеческих чувств (зрение, слух, вкус, осязание и обоняние), подаренных Елизавете Петровне австрийской императрицей Марией-Терезией. Как оказалось, работа по цветному камню и технике флорентийской мозаики в России традиций не имела. А в руках реставраторов – лишь чёрно-белые фотографии довоенного времени. Появилась информация, что подобные мозаики находятся в замке Шёнбрунн в Австрии. Там выяснили: живописные картоны, с которых выполнены флорентийские мозаики, хранятся во Флоренции. Западные специалисты рекомендовали заказать изготовление мозаик в мастерских музея Петра Дуре. По мнению знатоков, самостоятельное изготовление подобных произведений – большой риск.

Прежде чем приступить к изготовлению (самостоятельному!) мозаик, мастера обездрили множество месторождений цветного камня в России. Криминалистическая лаборатория помогла определить состав мастик, на которые крепится к основе цветной камень. В апреле 1987 года состоялась творческая поездка мастеров во Флоренцию. Именно здесь были выполнены мозаики и находились живописные картоны. Мастера узнали, что автором мозаик Янтарной комнаты является Джузеппе Дзюкки, а заказчиком их был венский императорский двор. Позднее из Флоренции были получены четыре больших слайда с живописных картонов мозаик.

В фотолaborатории Государственного Эрмитажа были выполнены цветные фотографии в натуральный размер. Это и послужило эталоном для работы в камне.

Результаты поездок, отработка методики и цветных эталонов, разработка рецептуры мастик, а также изрядный запас самоцветного сырья, привезённого со всех концов России, позволили русским мастерам приступить к уникальной работе – выполнению мозаик. **Полное возрождение Янтарной комнаты продолжалось 25 лет!**

Как известно, история продолжающихся поисков похищенной нацистами Янтарной комнаты изобилует множеством сюрпризов. Предположений о возможном местонахождении – не перечесть. В обширной литературе, посвящённой её поискам, “отрабатаны” сотни версий с “прочисыванием” полуразрушенных замков, заброшенных шахт, подземных хранилищ, подвалов и бункеров, в которых главари Третьего рейха привыкли прятать награбленные культурные ценности.

Изготовленный в 1701–1711 годах янтарный кабинет обошёлся Прусскому королю Фридриху I в 30 000 рейхсталеров. Сын короля Фридрих Вильгельм I, презиравший причуды своего покойного отца, в 1716 году преподнёс кабинет русскому царю Петру I в подарок. Отправленные под усиленной охраной через Кёнигсберг, янтарные панели прибыли в Санкт-Петербург. Здесь их приняли, и в дневнике генерал-губернатора столицы А. Д. Меншикова появилась запись: “некоторые панели разбиты, многих фрагментов не хватает, другие крошились в руках”. Однако находящемуся в Париже государю он сообщает, что почти все панели им лично осмотрены и находятся в хорошем состоянии. Из некоторых выпали небольшие фрагменты, но их можно заменить новыми. Подобного великопепия, заключает князь, ему еще не приходилось видеть. Доставленный в Россию груз с приложенной к нему описью и рекомендацией по его сборке оставался в Летнем домике царя до его смерти в 1725 году.

По поручению императрицы Елизаветы Петровны панели перевезли в Царское Село. Архитектор Растрелли установил их на стенах одного из залов золотой анфилады дворца. При этом комната была дополнена и отделана новыми мозаиками, зеркалами и резным декоративным обрамлением. 22 янтарные панели (высотой 10 м), 24 фрагмента карнизов, прикреплённых к деревянной основе, четыре мозаичных панно из цветных камней вошли в ансамбль янтарного шедевра. Его первозданный вид поддерживался периодически реставрационными работами. Янтарная комната почти два столетия украшала Екатерининский дворец. Исследователи её исчезновения и организаторы поисков до сих пор не могут дать однозначного ответа: почему янтарное чудо советские власти своевременно не эвакуировали в составе многотысячного комплекса других экспонатов Екатерининского дворца? “Глухой, интригующей и какой-то зловещей загадкой” называют её исключение из числа подлежащих эвакуации культурных ценностей.

В сентябре 1941 года немцы захватили г. Пушкин (Царское Село). Янтарную комнату, примитивно и спешно замаскированную, армейская команда ротмистра графа Сольмса, бывшего директора Франкфуртского исторического музея, обнаружила без особых усилий. Панели, панно и всё остальное убранство демонтировали за 36 часов и вывезли в Кёнигсберг без надлежащего учёта. По указанию гауляйтера Эриха Коха янтарная добыча была передана под покровительство знатока янтарных изделий д-ра Альфреда Роде. В одном из залов Кёнигсбергского замка развернулась экспозиция заметно поблекшей за время перевозки Янтарной комнаты. При подготовке выставки д-р Роде обнаружил пропажу одной из четырёх флорентийских мозаик. Розыск пропажи успехом не увенчался.

Весной 1944 года, когда война приобрела для гитлеровцев нежелательный оборот, панели и панно были разобраны и в ящиках складированы в Рыцарском зале Кёнигсбергского замка. С апреля 1945 года след Янтарной комнаты теряется. Колоссальные усилия профессиональных и самодеятельных поисковиков, устремившихся на поиски как сквозь землю провалившихся янтарных панелей, результатов не дали. Однако на европейском рынке культурных ценностей отдельные фрагменты убранства комнаты периодически возникали. Разразившаяся в 1990-е годы нешуточная полемика по поводу вероятного возвращения Германии остатков перемещённых в Советский Союз ценностей повысила градус внимания и к проблеме похищенных нацистами российских предметов культуры.

Летом 1997 года вышел первый том “Сводного каталога”, и тут же из Германии прилетела новость: на поверхность “всплыла” одна из четырёх флорентийских мозаик Янтарной комнаты – “Осызание и обоняние”.

Житель города Бремена, некий Ганс Ахтерман со своим адвокатом пытались сбыть её на “чёрном рынке” за 2,5 млн долларов. На вопрос полиции Гамбурга о происхождении предмета продавец и его посредник по сбыту вразумительного ответа дать не смогли. Ахтерман туманно объяснял, что ещё в 1978 году на него большое впечатление произвёл телевизионный документальный фильм с рассказом немецкого поисковика-любителя Георга Штайна о пропавшей Янтарной комнате. Мелькнувшая на экране каменная мозаика была очень похожа на ту, что лежала на чердаке дома его родителей. В прессе много писали о немецких ценностях, застрявших в России. И он решил крупно заработать. Нашёл в Гамбурге адвоката, который подрядился организовать выгодную сделку. Было задумано выставить мозаику на продажу анонимно. Ситуацией заинтересовались репортёры журнала “Шпигель”, и дело приняло публичный оборот. Объект продажи был изъят полицией, а продавца на два месяца подвергли аресту.

Весть о возможном появлении мозаики Янтарной комнаты на “чёрном” рынке быстро распространилась, все крупные европейские издания запестрели броскими заголовками, сообщая, что “получила дальнейшее развитие загадка бесценного сокровища” и т. п.

Расследование показало, что мозаика пропала в октябре 1941 года, когда команда графа Сольмса без надлежащего оформления отправляла имущество Екатеринбургского дворца, включая Янтарную комнату, в Кёнигсберг. В числе участников перемещения культурных ценностей Царского Села на железнодорожную станцию Сиверская был и офицер вермахта Ахтерман-старший. Ему-то и приглянулся фрагмент янтарного “чуда”, размером 70,5 x 55 см. Престарелый сын похитителя не сдавался и пытался заявить свои претензии на скандальную вещь: он, видите ли, не знал о её принадлежности Янтарной комнате. И требует оплаты изъятю предмета. Полиция Гамбурга разыскала проживающую в США бывшую супругу Ахтермана, с которым она находилась в разводе более 20 лет. Она подтвердила, что мозаика украшала стену спальни Ахтермана-отца, и все домочадцы гордились тем, что владеют сувениром из Янтарной комнаты царского дворца.

Затянувшуюся тяжбу прервала внезапная смерть Ахтермана-младшего. Его наследники, не решаясь продолжать тягостный диалог с германской Фемидой, уступили “проклятую” русскую мозаику за символическую сумму городу Бремену.

За перипетиями этой истории с особым интересом наблюдали российские мастера-камнерезы, воссоздавшие аналог внезапно явившейся на белый свет подлинной мозаики. Их тревожили сомнения по поводу её цветового решения.

В Германии с участием компетентных специалистов специалисты произвели детальный и тщательный осмотр подлинника и сравнили его с воссозданной копией. Оба фрагмента были признаны абсолютно идентичными.

30 апреля 2000 года мэр города Бремена, председатель торговой палаты города и министр культуры Германии вручили подлинную флорентийскую мозаику Янтарной комнаты непосредственно Президенту Российской Федерации В. В. Путину. Так в Екатерининском дворце Царского Села появился “запасной” экземпляр флорентийской мозаики до сих пор не найденной Янтарной комнаты.

Долгое возвращение русской святыни

Исчезновение чудотворной иконы Тихвинской Богородицы накануне изгнания оккупантов за пределы России серьёзно встревожило православный мир. В течение шести послевоенных десятилетий возникали и пропадали слухи о скитаниях иконы на чужбине. О подлинном положении святыни за рубежом в России знали немногие. Засекреченные материалы центральных архивохранилищ цепко хранили скудные сведения о попытках советских властей вернуть икону на родину. Факт её возвращения был отмечен как событие особой важности, но о подробностях вывоза иконы из России пресса скромно умалчивала. Как бы там ни было, икона в 2004 году вернулась на своё законное место в восстановленном Тихвинском монастыре.

“Тихвинская Божия Матерь” – одна из главных святынь русского народа, почитаемая как ровесница самой Богородицы. Согласно легенде, её образ сотворил сам апостол Лука. В V веке н. э. икону из Иерусалима доставили в Константинополь. Тысячелетие спустя она чудом оказалась на берегах Ладожского озера. На месте её обнаружения в 1380 году у реки Тихвинка по указу великого князя Василия III был сооружён Успенский собор. Сюда на богомолье неоднократно приезжал Иван Грозный. По его повелению в 1560 году на месте нахождения иконы был построен Большой Успенско-Богородичный мужской монастырь. Отличившаяся всевозможными чудесами – исцелением парализованных и глухонемых, прозрением слепых, но особенно заступничеством при обороне обители от шведских интервентов в Смутное время, – икона была признана чудотворной и обрела статус хранительницы Севера Руси. По церковному календарю ежегодно 9 июля (день обретения иконы) в её честь совершалось богослужение. Перечень российских императоров, императриц и их приближённых, поклонявшихся святыне, нескончаем. Тихвин в разное время посещали представители династии Романовых: императрица Анна Иоанновна пожертвовала для иконы крупный, изысканной работы изумруд с вырезанным на нём Распятием. Великая княгиня Екатерина Павловна приложила к иконе дивной красоты бразильский топаз. Императрица Мария Фёдоровна даровала голубой сапфир в 80 карат. Император Николай I – изготовленную для иконы золотую ризу весом около 9 кг. Ризу украшали 4 809 бриллиантов, 593 розы из бриллиантов, 141 алмаз, 5 852 жемчужины, 4 изумруда и т. д. Имеются сведения, что дарованная риза с большим количеством драгоценностей была в 1914–1918 годах перевезена в Петроград. Позднее вместе с другими государственными ценностями ризу из северной столицы якобы отправили в город Ейск. Место нахождения ризы до сих пор не установлено, дарованные иконе драгоценности бесследно исчезли. В советское время икона, естественно, без золотого оклада, находилась в Тихвинском Успенском монастыре, часть построек которого была передана местному краеведческому музею. Здесь в ноябре 1941 года икону обнаружила и захватила зондеркоманда вермахта “Гёрлиц”. В руках оккупантов оказались 64 предмета культового назначения – иконы, кресты, а также церковная утварь.

30 ноября 1941 года сотрудники оперативного штаба Розенберга рапортовали в Берлин о “спасении очень ценной русской иконы”. И дали понять: этот факт целесообразно использовать в пропагандистских целях, для пользы “великой Германии”. В Берлине эту идею оценили и срочно затребовали список “спасённого” в Тихвине церковного имущества. 3 марта 1942 года культурные ценности под контролем “искусствоведов” штаба Розенберга были доставлены в Псков и переданы в распоряжение городской комендатуры. Икону Богородицы как наиболее ценный трофей поместили в оружейную комнату комендатуры и приставили к ней дополнительную охрану. Приказом № 10 шефа политической

полицей Гейдриха от 16 августа 1941 года “О церковном вопросе на оккупированных территориях СССР” предписывалось “не проявлять какой-либо заботы о положении Православной Церкви, поскольку о восстановлении прежней патриархальной Русской Церкви не может быть и речи”. В приказе рекомендовалось отдельные реликвии “с учётом местных условий” предоставлять в распоряжение населения “исключительно для отправления богослужений”. Рейхсляйтер Министерства по оккупированным территориям Розенберг, один из ключевых идеологов рейха, Православную Церковь воспринимал как носительницу враждебной рейху национальной идеи. В своих распоряжениях оперативному штабу он рекомендовал “допускать некоторую религиозную свободу”, полагая, что “Русское Православие – всего лишь красочный этнографический ритуал”.

Главное управление госбезопасности гитлеровской Германии внимательно отслеживало настроения русских на оккупированной территории. Оперативные команды спецслужб в донесениях подтверждали целесообразность “приручения” населения при помощи религии. Оккупантов обнадёживали стабильно наполняемые народом храмы, спрос на книги религиозного содержания, возрастающее число обрядов крещения, бракосочетания, похорон, панихид и т. д. В Министерстве по оккупированным территориям были обескуражены резким отпором православных служителей Церкви попытке немецких властей ввести в богослужение и религиозные праздники григорианский календарь. Оказалось, верующие в России решительны в защите своих прав на сохранение религиозной традиции.

В марте 1942 года икона Тихвинской Богоматери при большом стечении народа была торжественно передана представителям Русской Православной Церкви. По приказу оккупационных властей икону каждое воскресенье доставляли в собор на службу и к 18:00 возвращали под охрану в сейфе военной комендатуры. В начале 1944 года, когда Красная армия перешла в наступление, в штабе Розенберга принимают решение: икона Тихвина подлежит вывозу на сборный пункт “конфискованных” ценностей в Ригу. В документах оперативного штаба имеется скупое сообщение:

“Тихвинская Богоматерь доставлена морем из Риги в Данциг...”;

“26 февраля 1944 года икону привезли в Ратибор”.

Дальнейшие перемещения иконы по территории поверженной Германии зафиксировали советские разведчики. Об этом в 1948 году сообщал в Москву Главнокомандующий группой советских войск маршал В. Д. Соколовский: икона находится в пределах американской зоны оккупации под опекой Иоанна Горклавса. Официальные запросы советских властей о возвращении иконы законным владельцам американцы оставляли без внимания. Маршал Соколовский обратился к американскому коллеге генералу Д. Клею: “С реституцией советского имущества из американской зоны... сложилось совершенно недопустимое положение. Награбленные гитлеровцами драгоценные памятники национальной культуры и искусства незаконно задерживаются в американской зоне”. В числе задерживаемых объектов называется и икона Богоматери Тихвинской. Генерал Клей, отвергая претензии советской стороны относительно иконы, ответил маловразумительно: “Данное требование ещё рассматривается нашими полевыми войсками. Однако икону мы не нашли и не идентифицировали”. На самом деле военные власти США были хорошо осведомлены о том, что епископ Иоанн Горклавс и его приёмный сын Сергей, сопровождающие икону, пребывают в различных лагерях для беженцев в американской зоне оккупации Германии. Знали об этом и советские разведчики, сообщая, что епископ, переходя с иконой из лагеря в лагерь, “молитвой поддерживал тех, кто оказался вне родины”.

В Москве было решено действовать. Для опознания иконы сформировали группу из компетентных представителей Церкви. На поездку выделили 4 800 немецких марок, наметили дату выезда, заказали билеты. Однако американские власти без каких-либо объяснений визы советских экспертов аннулировали, а епископа Горклавса и его приёмного сына вместе с иконой тихо отправили в США, сначала в Бостон, а оттуда – в Нью-Йорк. В середине 50-х годов Горклавсы с иконой поселились в Чикаго. Епископ Иоанн был возведён в сан архиепископа православной диаспоры США. С иконой и с приёмным сыном Горклавс объездил все православные храмы и монастыри Америки.

В 1988 году настоятель Свято-Троицкого собора в Чикаго архиепископ Иоанн Горклавс скончался. По завещанию он передал икону своему преемнику, сыну – протоиерею Сергию Горклавсу. **Согласно воле архиепископа, возвращение иконы в Россию может состояться в случае полного восстановления Свято-Успенского Тихвинского монастыря.**

В Министерстве культуры Российской Федерации продолжалась работа по формированию очередных томов Сводного каталога. В 1999 году составители исследовали архивные свидетельства о культурных потерях Пскова и области. Обнаружение знаменитой иконы в США привлекло внимание российских экспертов. Известная американская архивистка, профессор Гарвардского университета Патриция Гримстед Кеннеди, изучавшая проблемы перемещённых ценностей в фондах московских архивов, активно общалась с волонтерами Сводного каталога. Она сообщила, что интересующая нас Тихвинская икона – вовсе не подлинник, а малоценная копия XIX века.

В ходе архивных поисков российским экспертам удалось установить, что рижский епископ Горклавс при содействии американцев вывез икону из Европы в США по подложным документам. Её оформили как заурядный список с оригинала.

Составители решили обратиться к протоиерею Свято-Троицкого собора в Чикаго Сергию Горклавсу с единственной просьбой – сообщить параметры и другие признаки иконы с тем, чтобы установить: **подлинник или копия находится в США.** Запрос остался без ответа. Второе обращение было передано сотрудниками российского посольства в США лично протоиерею. Посольство сообщило, что икона по-прежнему находится в соборе Св. Троицы в Чикаго под попечительством Сергия, который от контактов с представителями светских властей намеренно уклоняется. В Министерстве культуры сочли возможным связаться с о. Сергием при содействии Московской Патриархии. В Патриархии поддерживали намерение Министерства включить вывезенные во время войны церковные реликвии в реестр утраченных ценностей и обратились к предстоятелю Автокефальной Православной Церкви Америки и Канады с просьбой получить от протоиерея С. Горклавса реквизиты находящейся на его попечении иконы.

Некоторое время спустя в Министерство культуры поступила информация из Тихвина: в июле 2001 года протоирей Сергей Горклавс посетил Свято-Успенский Тихвинский монастырь, где с большой тщательностью ознакомился с историей создания его архитектурного ансамбля. Особое внимание он обратил на ход возрождения Успенского собора, где в течение нескольких столетий помещалась чудотворная икона. Протоирей подтвердил, что в настоящее время она находится в его личных покоях и доступна для молитвы всем страждущим. По словам протоиерея, православные монастыри Америки проявляют заинтересованность в том, чтобы поместить икону у себя. Но по завещанию архиепископа Иоанна Горклавса святыня должна возвратиться на Родину. В январе 2004 года о. Сергия принял Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. **Намерение хранителя вернуть икону восстановленному Свято-Успенскому Тихвинскому монастырю завершилось полным согласием.** Священный Синод Православной Церкви в Америке объявил, что икона должна возвратиться в Россию.

Чудотворный образ Богоматери Тихвинской был торжественно передан прибывшей на жительство в Тихвин семьёй о. Сергия Горклавса Свято-Успенскому монастырю 4 июля 2004 года – в день её обретения.

Возвращение “Летающего Меркурия”

В конце XVIII века резиденцию Екатерины II в Царском Селе решили украсить бронзовыми изваяниями, изготовленными по гипсовым слепкам со знаменитых образцов античной и европейской скульптуры. Воссоздать копию знаменитого произведения Джамболоньи “Летающий Меркурий” предложила сама императрица. За образец был выбран гипсовый слепок с наиболее известной флорентийской копии из галереи Барджелло. За изготовление ответственного заказа взялась Петербургская академия художеств. Куратором литейных отливок и работ по чеканке был назначен профессор Фёдор Гордеев. Воссозданная в 1783 году русскими мастерами скульптура вначале была установлена в Царскосельском парке.

После смерти Екатерины II император Павел I повелел переместить ряд памятников искусства из Царского Села в Павловск, где “Летящий Меркурий” впервые был упомянут в описи парковой скульптуры. В инвентарной книге 1801 года после проведения тщательного учёта царского имущества в Павловске было записано: “Медный статуя в полный рост Меркурия”. С 1825 по 1941 годы “статуя” простоял в центре скульптурной аллеи из двадцати бронзовых бюстов. На этом месте он неоднократно был запечатлён на довоенных фотографиях. Инвентарь парковой скульптуры Павловска за 1920 год, выверенный в 1938 году, свидетельствует: “Летящий Меркурий” занесён под № 34 (5189), стр. 83–84 и подробно описан”.

Накануне захвата немцами Павловска парковые изваяния были помещены в деревянные ящики, зарыты в землю и прикрыты дёрном. Их вывоз в тыл по плану эвакуации не предусматривался.

В процессе работы над материалами “Сводного каталога” составители систематически обращались к зарубежным архивам. Трофейные документы оперативного штаба Розенберга, сосредоточенные в архивохранилищах Москвы, Киева и Калининграда, а также в немецких архивах Фрейбурга, Берлина и Потсдама, помогли воссоздать некоторые эпизоды хозяйничанья гитлеровцев в Павловске. В донесениях экспертов штаба сообщается: “Летний дворец Павла I занят штабом одной из дивизий. Командантом дворца является капитан Гуттманн”. “Предметы мебели даже генералам выдаются по квитанциям”. “Бронзовые и мраморные статуи выкопаны по распоряжению коменданта и помещены в здании дворца. Кроме того, сохранились стулья, кресла, светильники и ковры, а в часовне – многочисленные иконы. Библиотека уже вывезена группой Кюнсберга для штаба Розенберга. Коллекция гемм изъята и вывезена СС”. Эксперты штаба засвидетельствовали: двенадцать бронзовых бюстов и статуя “Летящий Меркурий” вывезены по распоряжению коменданта дворца. В последующем никаких следов и сведений о судьбе знаменитого произведения не обнаруживалось.

1979 год. В столице Австрии Художественно-исторический музей проводит выставку работ Джамболоньи. Находящийся в командировке научный сотрудник Государственного Эрмитажа Сергей Андросов посещает выставку, и его внимание тут же концентрируется на скульптуре “Летящий Меркурий”. Скульптура почему-то не включена в каталог выставки и размещена не в зале, а в фойе музея. Вразумительных объяснений “особого статуса “Меркурия” от кураторов выставки Андросов не получил, но выяснил, что скульптура доставлена в Вену из замка Эггенберг города Граца. При внимательном осмотре скульптуры на задней стороне базы Андросов с удивлением обнаружил чётко выгравированную надпись на русском языке: “При Императорской Академии Художеств воском изобразовал профессор Фёдор Гордеев, отлил мастер Гас-теклу, доделал и чеканил Василий Можалов в 1783 г.”.

На основе информации Андросова дирекция Павловского музея-заповедника после десятилетнего размышления направила-таки в Австрию первый запрос – о возможной принадлежности “Меркурия” из Граца России. От австрийской стороны ответа не последовало. На повторный запрос в 1991 года ответ был получен полтора года спустя. Ответ, подготовленный президентом Земельного музея г. Граца, поступил в изложении советника по культуре посольства Австрии в Москве. Согласно австрийской версии, получалось так, что находящийся в замке Эггенберг “Летящий Меркурий” является частью крупной закупки скульптур, произведённой владельцем замка графом Херберштейном в Риме в 20-е годы XIX века. На выставку в Вену, по словам советника посольства, “Меркурий” был доставлен из города Граца, где находился в специально построенной беседке на территории замкового сада. В настоящее время, утверждал советник, отреставрированная скульптура украшает лестничную площадку замка. Заодно были даны объяснения восхитительного сходства австрийского “Меркурия” с утраченным российским аналогом. По мнению австрийских экспертов, подготовленная в Риме в 1783 году модель стала основой для изготовления нескольких отливок. Одна из них была отправлена в Павловск, а другую приобрёл граф Херберштейн для замкового парка. Австрийская сторона при этом ссылалась на единственное упоминание о “Летящем Меркурии” из Граца в каталоге замковой реставрации за 1976–1979 годов, где имеется указание на закупку скульптуры в начале XIX века. В австрийском ответе прозвучал “убедительный” довод: опрос персонала, обслуживающего семью графа

Херберштейна, показывает: скульптура стояла в замковом саду задолго до начала Второй мировой войны. Заодно были даны “научные” объяснения появления надписи кириллицей на базе “Меркурия”. Оказывается, в 1783 году восковую модель скульптуры, её отливку и чеканку вывезли в Рим три члена русской Академии Художеств. Таким образом, по мнению австрийских знатоков, скульптура была дублирована в Риме по оригиналу. Никаких документальных свидетельств о таком событии австрийская сторона не предъявила, но дала понять, что предположения о перемещении “Меркурия” из Павловска в Грац во время Второй мировой войны – нонсенс.

Объяснение присутствия русского текста на базе австрийского “Меркурия” не выдерживала никакой критики. В Павловске хорошо знали – наличие на задней стороне базы скульптуры упоминания трёх мастеров – для России явление более чем уникальное. Скульптор Гордеев и мастера литейного и чеканного дела Гастеклу и Можалов своими именами удостоверяли прямое отношение к изготовлению шедевра. Обычно бронзовые отливки имели одну или две подписи, а иногда и вовсе были их лишены. При этом надписи в XIX веке нарезались на окончательно отделанной бронзовой отливке, а не на гипсовой модели. И они не могли повторяться путём последующих отливок (такая практика появилась в более позднее время). Восковые же модели, применяемые в технологии бронзово-литейной мастерской Петербургской Академии Художеств того времени, были вообще одноразовыми.

Документальные описания “Летящего Меркурия” с указанием его размеров, а также подлинные объяснения тройной надписи на отливке были обнаружены в российских архивах. Свидетельства из дела мастера Василия Можалова обстоятельно освещают подробности создания статуи: мастер Гастеклу, получивший восковую модель 23 мая 1782 года, отлитую им бронзовую статую отделать к сроку не успевал. Работу передали мастеру Можалову, который и завершил её к декабрю 1783 года. Надпись на скульптуре точно и справедливо зафиксировала вклад каждого мастера в создание “Меркурия” и отразила место изготовления – Петербург, а не Рим, как утверждают австрийские специалисты.

В числе утрат Павловского дворца 1942 года традиционно фигурируют картины, редкие книги из Библиотеки Росси, старинная дворцовая мебель и разрушенный дворец. О пропавших скульптурах парка – 12 бронзовых бюстов, мраморных статуй “Лето”, “Венера Каллипига”, “Актеон с ланью”, “Амур, снимающий с крыла бабочку” и “Летящий Меркурий” – скромно умалчивается. Эти произведения дворцовой и парковой пластики были впервые обозначены и описаны во втором томе “Сводного каталога культурных ценностей России, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны” (М., 2000).

Дальнейшие события вокруг находящейся в Австрии скульптуры “Летящий Меркурий” развивались с участием Министерства культуры Российской Федерации. Эксперты понимали: истинную принадлежность “Меркурия” надо идентифицировать путём проведения совместной экспертизы при участии компетентных специалистов и с предъявлением достоверной документации. Сомнений не было: австрийская сторона факт принадлежности статуи Павловску будет оспаривать “до упора”.

С июня 2000 года диалог с австрийскими властями продолжался при содействии МИДа Российской Федерации. В течение последующих 4-х лет австрийские оппоненты выдвигали разные версии обретения скульптуры, они упорно уклонялись от наших предложений провести совместную экспертизу. В марте 2001 года из Вены сообщили: статуя, оказывается, графу Херберштейну не принадлежала, и он вовсе не приобретал её в Риме в начале XIX века! Оказывается, “Меркурий” был обнаружен в разгромленном в результате бомбардировок англо-американской авиации доме некоего “императорского советника генерала фон Пихлера”. О документах, подтверждающих право собственности на скульптуру почившего 200 лет назад генерала, – ни слова. На одно обстоятельство, указанное в последнем сообщении австрийских экспертов, в Москве обратили особое внимание: разгромленный дом “императорского советника” подлежал окончательному сносу, и “Летящий Меркурий” как “бесхозное” имущество угодил в хранилища государственного фонда. И только в 1956 году был передан городу Грац. Австрийские коллеги, ссылаясь на явно надуманные обстоятельства, стойко держали оборону – статуя принадлежит Австрии, доказательств её принадлежности России не имеется.

Российская позиция тоже оставалась неизменной: только совместная экспертиза позволит установить истинную принадлежность скульптуры.

Однако Австрия, откровенно “саботирующая” нормальный диалог о судьбе “Летящего Меркурия”, проявляла живой интерес к возвращению своих папирусов, перемещённых после войны на территорию СССР. По этому вопросу Министерство культуры РФ согласилось на проведение в Москве переговоров с участием австрийских коллег и дипломатов. В состав российских участников по нашей рекомендации был включён главный хранитель Павловского дворца-музея.

В ходе обсуждения протокольных и предусмотренных программой вопросов возникла проблема “Летящего Меркурия”. Представитель австрийской делегации заявил, что озабоченность России по поводу возвращения своих утраченных в период войны культурных ценностей ясна и понятна. Однако случай с “Меркурием” не имеет к этому прямого отношения. Скульптура принадлежит частному лицу – гражданину Австрийской республики – и никогда не находилась на территории России. На вопрос, кто именно и на каких основаниях владеет скульптурой после передачи её в 1956 году из государственного фонда в город Грац, представители австрийской делегации не смогли дать вразумительного ответа. Здесь же и был согласован вопрос о целесообразности проведения совместной искусствоведческой экспертизы. Что и было занесено в протокол.

В последующем австрийские власти неоднократно информировали МИД России о готовности принять экспертов из Павловска “в согласованные сроки”, но приглашения не присылали. Наконец такой срок наступил – в Грац отправились Главный хранитель музея Павловского дворца и хранитель парковых скульптур Павловска.

Австрийские эксперты были сражены, когда ознакомились с инвентарными описями Павловского дворца 1920 и 1938 годов, где были зафиксированы отреставрированные повреждения на ноге “Меркурия”. Следы реставрации были тут же идентифицированы при визуальном осмотре статуи.

В ноябре 2002 года Главный хранитель музейных коллекций замка Эггинберг Барбара Кайзер в письме, адресованном дирекции Павловского музея-заповедника, признала, что находящаяся в замке бронзовая скульптура Джамболоньи “Летящий Меркурий” идентична той, что была похищена нацистами в годы войны в Павловске. Затянувшийся прилёт на Родину выдающегося образца бронзовой пластики – “Летящего Меркурия” – состоялся весной, в марте 2005 года.

“Нептун” вернулся... с мотоциклом !

7 сентября 1941 года передовые части вермахта заняли Царское Село, 23 сентября – Петергоф. Для проведения инспекции императорских дворцов в оперативном штабе Розенберга спешно формируют рабочую группу “Ингерманланд”. Экспертов подбирала из числа высококлассных специалистов, среди которых были директора германских архивов и музеев, университетские профессора. Д-ра Вундер, Штеве, Пастор и фон Крузенштерн были срочно направлены в Ригу, а оттуда под Ленинград, на станцию Сиверскую, где находился штаб войсковой группы “Норд”. Экспертам предстояло заняться оценкой и инвентаризацией оставшихся во дворцах и парках ценностей. Первичный осмотр показал, что специалисты безнадежно опоздали – многое из дворцового имущества уже вывезено и расхищено. До прибытия команды оперативного штаба Розенберга здесь хозяйничали люди армейской группы под командованием бывшего директора Франкфуртского исторического музея, ротмистра графа Сольмса. Граф-ротмистр действовал по поручению командующего группой войск “Норд” Кюхлера. Тут же занимались вывозом музейного имущества специалисты СС под командованием штурмбанфюрера барона Кюнсберга. В его распоряжении были первоклассные знатоки архивных дел и культурных ценностей, а также грузовики и рота эсэсовцев. Перед отрядом Кюнсберга была поставлена стратегическая задача – вывлять и изымать в поверженном Ленинграде, а затем и в Москве документы политического характера. Получившие “добро” военного командования действовать на захваченной территории в окрестностях Ленинграда, эксперты оперативного штаба Розенберга выяснили, что армейская команда графа Сольмса,

в нарушение установленного порядка, без должного оформления грузов, без уведомления и санкции оперативного штаба Розенберга, основные ценности дворцов отправила в Псков и в Кёнигсберг. Среди отправленных объектов была и демонтированная Янтарная комната.

Донесения “опоздавших” экспертов штаба в Берлин высвечивали трагическую картину разорения: “Большой дворец в Петергофе со своим внутренним убранством полностью сгорел от обстрела. Сохранились здания флигелей и кавалерийских корпусов, но их внутреннее убранство уничтожено...

В парке – между фонтаном и дворцовой часовней – всё ещё лежит ящик с произведениями искусства. В гроте под садовой террасой припрятана коллекция фарфора... фонтан Нептуна не защищён”. Намётанный глаз оккупанта фиксировал возможную добычу: “Здание и ценные внутренние украшения дворца Монплеизр не повреждены, если не считать одного попадания снаряда. Убранство полностью разорено и уничтожено. Церковь св. Александра Невского, построенная в 1832 году и относящаяся к числу значительнейших архитектурных творений немецких художников на русской земле, не повреждена, за исключением нескольких икон. Интересное русское православное убранство повреждено основательно: сильнее всего пострадали картины в иконостасе, которые предположительно написаны Нефом”. Обнаруженные в часовне самые ценные иконы отправляются на сборный пункт штаба в Ригу. Там продолжится селекция, и “самые-самые” будут удостоены вывоза на территорию рейха. Часть сокровищ, отобранных в императорских дворцах, ротмистр Сольмс распорядился разместить “навалом” в Поганкиных палатах Пскова. Роскошные дворцовые стулья и кресла, картины, ковры, серебро из петергофского дворца отданы для украшения интерьера офицерского клуба при штабе 38-й армии. Мнение высококолых экспертов было единым: боевые части немцев **“имеют на это традиционное право”**.

Сотрудники оперативного штаба ведут агентурную работу, фиксируют факты **откровенного грабежа музейно-дворцового имущества**. Среди “ценителей” прекрасного устанавливается некий лейтенант Шмекель, вывезший из Петергофа в Берлин множество ценных икон. Только после многократных требований он был вынужден передать командованию список украденных предметов. Штаб рапортует и о своих достижениях: “бесценное собрание бронзовых и мраморных статуй в античном стиле закопано большевиками в парке”.

В отчётах сообщается о расхищении многих картин и других предметов искусства, о “взятии” солдатами тысячи икон из дворцовой часовни. Из Павловского дворца группа “Ваффен” СС вывезла библиотеку и уникальное собрание античных гемм. Эта группа самоуверенных эсэсовцев барона Кюнсберга действует под прикрытием Министерства иностранных дел, но выполняет приказы шефа СС Гиммлера. В Гатчинском дворце команда ротмистра Сольмса конфискует “400 портретов личностей немецкого происхождения”. В штабе предполагают, что эту коллекцию граф Сольмс, возможно, передаст на хранение Имперскому комиссариату.

Невиданный размах ограбления императорских дворцов на оккупированных территориях именовался “оперативной конфискацией” ценностей. А содержимое не установленного на месте материала будет идентифицировано позднее, в спокойной обстановке, после “победного окончания войны с большевиками”. А пока вывоз культурных ценностей осуществляется без “делового взаимодействия” подразделений МИДа, СС и СД, экономических, войсковых и прочих спецслужб.

Ленинград и дворцы его окрестностей для специалистов от культуры представляли исключительный интерес. Рассчитывая на скорое падение города, Розенберг распорядился срочно сформировать передовую команду “Петербург” для тщательной и оперативной работы. Чтобы опередить конкурентов, команда должна находиться как можно ближе к линии фронта с тем, чтобы успеть при захвате города пометить трофейными знаками “нужные штабу объекты”. На обследование объектов, начиная с Академии наук до библиотеки Кировского завода, сформирован передовой отряд из 300 экспертов. Для отряда составлена обзорная картотека на учебные и научные заведения, на театры, музеи и другие учреждения города.

Передовому отряду приданы 40 высококлассных научных специалистов – они должны определить те объекты и ценности, которые потребуют срочной

отправки на территорию рейха. В картотеку внесены особенности каждого учреждения с указанием не только адресов, но и телефонов. Объектом обледования под № 9 обозначался Эрмитаж. Далее следовали Центральный военно-морской музей, Малый драматический театр, издательство “Искусство” и т. д. Под контроль германских властей, согласно предписаниям Министерства по оккупированным восточным территориям, переходили наиболее ценные предметы и “произведения местной культуры”. Предпочтение отдавалось предметам и произведениям, которые были изготовлены проживающими в России немцами. Исключительное внимание экспертов привлекали “свидетельства германо-немецкого влияния на культуры местных народов”.

В ходе “инспекторского вояжа” сотрудники штаба в разрушенном Павловском дворце обнаружили находившиеся без всякого присмотра свыше 10 тысяч томов книг. В Гатчинском дворце – остатки уже разграбленной и никем не охраняемой библиотеки в 16 тысяч томов. В документах штаба появляется запись: “Больше здесь спасать нечего”.

По свидетельству американской газеты “Нью-Йорк Геральд Трибюн”, Петергоф после освобождения Красной армией предстал совершенно опустошённым: “Теперь, когда бои закончились, в окрестностях стоит тишина. Но она не мирная, а мёртвая... Кирпичные здания, мраморные замки с гранитными башнями сровнены с землёй либо превращены в раздолбленные груды обломков и мусора... **Петергоф полностью исчез с лица земли. Он даже не город-призрак, как Орел или Курск, – это пустыня с торчащими обломками, с лица которой было сметено, возможно, самое утончённое и радостное искусство, когда-либо сотворённое человеком**”.

Именно здесь в декабре 1941 года решалась судьба знаменитой композиции фонтана “Нептун”. По мнению экспертов штаба Розенберга, его естественное местонахождение не Петергоф, а город партийных съездов Нюрнберг, где фонтан был создан немецкими мастерами в 1660 году. На piedestale фигуры Нептуна чётко просматриваются щиты с гербами некогда вольного города. Для его центральной площади фонтан был задуман и выполнен, и вот теперь возрождённая фюрером Германия должна по праву вернуть Нептуна в город его происхождения. Высокооменные искусствоведы в коричневых мундирах штаба знают, что в 80-е годы XVIII века совет города Нюрнберга **продал фонтан будущему русскому императору Павлу I**. Приобретённый за немалые деньги “Нептун”, упакованный в 25 ящиков, прибыл в Санкт-Петербург в 1797 году. И вот, 145 лет спустя, композицию фонтана вновь демонтируют, помещают в ящики и специальным грузом отправляют в рейх для достойного украшения ландшафта у Дворца партийных съездов в Нюрнберге.

Мэр города д-р Либль был известен тем, что неутомимо разыскивал в оккупированной Европе сокровища германской нации и возвращал их в любимый город. Возвращённые ценности укрывались в подземных бункерах, возведённых ещё в XI веке. Бункеры уходили под землёй далеко вглубь города. Здесь надёжно хранились реликвии Священной Римской империи, алтарь Фейта Штоса и принадлежавшие когда-то городу коллекции, к которым приобщили ящики с “Нептуном”. Один из тоннелей шёл через тайный вход, замаскированный под обычный небольшой магазин на неприметной боковой улочке. Оттуда начинался длинный бетонный коридор, перекрытый стальными дверями.

19 апреля 1945 года, когда американские части входили в Нюрнберг, мэр города д-р Либль **сжёг все относящиеся к хранилищам документы и закончил жизнь самоубийством**. Однако ключи от бункера оказались в руках американских военных, которые у входа в магазин поставили охрану. Ящики с “Нептуном”, извлечённые из подземелья, были отправлены в Штутгарт. Материалы, относящиеся к поискам и возвращению в Петергоф знаменитого фонтана, были обнаружены в фондах Архива внешней торговли СССР. Они свидетельствовали: в отделе реституции Управления по репарациям и поставкам Советской военной администрации в Германии в 1946–1951 годах внимательно изучали захваченные у гитлеровцев документы, показания пленных и свидетельства немецких чиновников. Отдел решал широкий круг проблем, включая отправку репарационных грузов (тракторов, экскаваторов, судов морского и речного флота, угнанных оккупантами из России лошадей, каркулевых овец и т. п.). Заодно отделу поручили заниматься приёмом от союзников и отправлением на родину вывезенных нацистами предметов культуры.

Сотрудники отдела получили первичные сведения, что знаменитый фонтан “Нептун” находится на территории Германии. Руководитель отдела полковник Георгий Николаевич Гуляев, чрезвычайно взволнованный этой новостью, поручил организовать поиск петергофского фонтана. Были осмотрены десятки тайников, в которых гитлеровцы прятали похищенные культурные ценности.

Интенсивные поиски петергофского фонтана успеха не имели. Возникла недобрая мысль – фонтан гитлеровцы могли отправить на переплавку. Эту участь разделили немало уникальных творений человеческого гения. Например, фонтан “Самсон” из того же Петергофа. Наконец, из американской зоны оккупации пришло известие от представителей советской миссии: в одном из подвалов в г. Штутгарте находится какая-то скульптура из России. На место выехал сам полковник Гуляев. По его словам, в огромном подвале среди прочих грузов выделялись массивные, целые и невредимые ящики, изготовленные по распоряжению штаба Розенберга в 1942 году для транспортировки демонтированного “Нептуна”. Эксперты после предварительного осмотра вынесли вердикт: все 54 фрагмента скульптурной группы в сохранности. В отчётах Отдела реституции Советской администрации в Германии за 1946 год среди перечней тысяч тонн никопольской руды, грузовиков, фрезерных станков, цветных металлов и переплавленных колоколов, сотен судов морского и речного транспорта и многого другого выделяется запись: “В американской зоне выявлена и возвращена **СКУЛЬПТУРНАЯ ГРУППА “НЕПТУН” ИЗ ПАРКА ПЕТРОДВОРЦА ПОД ЛЕНИНГРАДОМ – стоимость определяется**”.

Для полковника Гуляева проблема своевременной отправки культурно-художественных ценностей на родину – хуже горькой редьки. Учреждения культуры Москвы его сигналы о скопившихся на складах Берлина найденных ценностях игнорировали. Гуляев для отправки “Нептуна” подобрал подходящее судно – пароход “Менделеев”, отправлявшийся из Бремена в середине декабря 1947 года. Ящики с “Нептуном”, общим весом 10140 кг, были благополучно доставлены в порт, размещены в трюме парохода для отправки по адресу: “Государственный Эрмитаж в г. Ленинграде”. 24 января 1948 года Гуляев получил уведомление: “Нептун” Эрмитажем принят”. Возвращение всемирно известного фонтана ознаменовалось казусом: в одном из ящиков вместо фрагментов группы Нептуна... обнаружили... трофейный немецкий мотоцикл. Утраченный фрагмент был воссоздан в 1973 году по сохранившимся изображениям. На средства немецкой фирмы “Кнауф” в 1997 году были воссозданы и другие утраченные элементы фонтанной композиции, в том числе и накладные рельефные гербы Нюрнберга.

Судьба Георга Штайна

1 октября 1968 года газета “Советская культура” объявила всесоюзный читательский розыск сокровищ Псково-Печерского монастыря. Обращение к читателям подкреплялось обстоятельной информацией об истории обители и, главное, были названы самые ценные вещи, увезённые гитлеровцами из монастырской ризницы. Тут же публиковалась обширная статья А. Воронова “Где сокровища Печерского монастыря?” Автор не мог смириться с мыслью, что массивная золотая цепь Ивана Грозного, большой золотой крест, золотые кубки, подаренные монастырю Борисом Годуновым и Петром I, утрачены безвозвратно. Из ризницы были вывезены искусно шитая золотом плащаница ручной работы царицы Анастасии Романовны, её же золотой перстень с камнями и серьги из яхонтов, произведенные из золота и серебра многих безвестных русских умельцев. Оккупанты вывезли золотой крест, украшенный драгоценными камнями и жемчугом (1590), Евангелие (1644) и изданное в Москве в 1667 года Евангелие с золотом и яхонтами, вместе с ризой из красного штофа. И множество других уникальнейших раритетов стали жертвами гитлеровского нашествия. В таком масштабе ценности монастыря подверглись ограблению впервые за 500 лет.

В 1940 году советские власти собирались на основе монастырских сокровищ создать художественно-исторический музей. Однако работа комиссии по отбору предметов для музея была прервана неожиданным нашествием Германии. Ключ от замка монастырской ризницы в это время оставался на руках неожиданно исчезнувшего руководителя комиссии. Ризницу опечатали представители гитлеровской комендатуры г. Печоры. В июле 1941 года духовенство

монастыря обратилась в городскую управу в просьбе вернуть изъятый советской администрацией города ключ от ризницы, ибо проникнуть за необходимыми для служб регалиями было невозможно – замок оказался сверхнадёжным. Медный, литой, изготовленный русскими мастерами в 1557 году, запор к тому же являлся уникальным произведением искусства. Немецкие власти, не обнаружив ключа в управе, организовали тотальный поиск участников советской комиссии, и ключ был обнаружен в отдалённом эстонском селении.

К делу приступили сотрудники оперативного штаба Розенберга. Они получили доступ к ценностям, однако документов и описей предметов ни в монастыре, ни в ризнице не обнаружили. Ризницу опечатали своей печатью, ключ передали иеромонаху-ризничему.

С согласия немецкого коменданта Пскова штаб приступил к тщательному осмотру и фотофиксации находящегося в ризнице раритетов. Печати были сорваны, ключ отнят, начался очередной учёт монастырских ценностей. Перепрятать или вынести что-либо из хранилища было невозможно – на территории монастыря стояли части вермахта и эстонский полк. В ризницу зачастили высокие чины из Министерства по оккупированным восточным территориям.

Приближение к Прибалтике наступающей Красной армии для сотрудников оперативного штаба означало одно: пора начинать вывоз наиболее ценных вещей в подготовленные заранее хранилища на территории Германии. 25 февраля 1944 года комендант Пскова распорядился приступить к упаковке находившихся в ризнице ценностей. Спустя месяц сокровища древнего Псково-Печерского монастыря впервые покинули его стены. Монастырь, отразивший множество набегов и осад врагов, не мог противостоять военной машине гитлеровской Германии. Духовенство монастыря вряд ли верило обещаниям псковского коменданта и руководства оперативного штаба Розенберга, которые взяли на себя обязательство вернуть сокровища “как скоро военное и политическое положение позволит”.

566 золотых и серебряных предметов в 4 добротных ящиках под усиленной охраной доставили в Ригу и разместили в погребе женского монастыря. Руководители оперативного штаба в ультимативной форме потребовали от духовенства монастыря передачи драгоценностей в их распоряжение. Акт о передаче подписал священник рижской церкви (он же секретарь Прибалтийского экзархата по делам Русской Православной Церкви) Николай Вейглаз. Грузы с сокровищами от имени штаба принял оберштурмфюрер Цвибель. В монастыре до сих пор хранится протокол передачи, и, по мнению автора статьи А. Воронова, есть основания полагать, что вывезти из Риги ценности монастыря немцы не успели. Очевидцы и участники тех событий, по мнению монастырской братии, успели удрать и сейчас живут в ФРГ и Соединённых Штатах Америки.

Газета “Советская культура” сопроводила статью Воронова обращением ко всем, кто хоть что-нибудь знает или предполагает о месте нахождения уникальнейших богатств, сообщить об этом в редакцию. Статью своим мирским именем подписал архимандрит, наместник Псково-Печерского монастыря отец Алипий. В мирской жизни он был профессиональным художником, его работы выставлялись в выставочных залах Москвы. Во время войны в составе танкового подразделения он прошёл с боями от Подмоскovie до Берлина, после войны принял постриг в Троице-Сергиевой лавре и в 1959 году стал наместником Псково-Печерского монастыря. Его стараниями и были восстановлены некоторые события, связанные с судьбой пропавших сокровищ.

На публикацию статьи и обращения в “Советской культуре” откликнулась персональная пенсионерка из Таллинна А. Пяллинг. Это она в 1940 году по распоряжению властей г. Печоры возглавила комиссию по проверке наличия находящихся в ризнице монастыря предметов. По её словам, комиссия по монастырским описям и книгам составила уточнённые списки, их подписали члены комиссии и представители монастыря. По оценке специалистов Наркомпроса, утверждала в письме пенсионерка, драгоценнейшие вещи ризницы украсили бы любой музей. На стоимость ризы из красного штофа, вынизанной жемчугом и усыпанной драгоценными камнями значительной величины, рассуждали знатоки, можно было в 1940 году купить все земли Эстонии. Автор письма сообщила, что редкие книжные раритеты и рукописи монастырской библиотеки, в том числе и книги светского, исторического содержания, записи народных песен и сказок, успели перевезти в Тартуский университет. О пропаже коллекции монастырских ценностей пенсионерка узнала из публикации

“Советской культуры”) и выразила надежду на благополучный исход поисков сокровищ. Отец Алийи, исчерпав свои возможности, справедливо полагал, что обращение к общественности поможет выйти на след пропажи. И в самом деле, уникальные произведения национальной культуры без малого четверть века пребывают в безвестности. Они не попали в поле внимания коллекционеров и антикваров. Скорее всего, вывезенные нацистами раритеты находятся под надёжной охраной или пылятся, брошенные в забытом хранилище.

В это время полным ходом шёл широко обсуждаемый мировой общественностью поиск пропавшей в пекле войны Янтарной комнаты. **Самым компетентным искателем янтарного шедевра считался гражданин Западной Германии, фермер из заштатного городка Штелле Георг Штайн.** Он сумел подобраться к скрываемым в ФРГ архивным документам нацистов. Штайн выдавал себя за историка-любителя, увлечённого темой быта средневековых уголовников, что позволяло ему работать в архивах ганзейских городов. Работники архивов к нему привыкли, искатель без каких-либо претензий и консультаций изучал документы, был аккуратен и сосредоточен. Ему предоставили возможность просмотреть некоторые документы штаба Розенберга и копии материалов о вывезенных на территорию Германии советских архивах. Среди картотек и описей Штайн неожиданно для себя обнаружил призрачную нить важной информации о том, что вывезенные ценности русского монастыря, возможно, находятся в ФРГ.

Опытный поисковик зафиксировал найденные документы, и на всякий случай “вышел из тени”: обратился к федеральному министру с запросом о возможном местонахождении в ФРГ монастырских реликвий из России. Ответ был ожидаемым (к отпискам сановных чиновников искатель привык): сведениями об интересующих автора запроса реликвиях министерство не располагает. Используя поддержку некоторых авторитетных изданий, Штайн с удвоенным упорством продолжал штудировать закрытые для граждан ГДР и Советского Союза фонды боннского филиала Бундесархива. Здесь он обнаруживает обращение директора Висбаденского городского музея к вышестоящим инстанциям. Директора беспокоили находящиеся на попечении музея иконы и другие ценности, оставленные американцами в 1955 году после закрытия сборного пункта. Погрузившись в архивную бездну, Штайн находит другое письмо того же директора Висбаденского музея. На этот раз он обращается в Государственный департамент США. Американские власти извещаются, что городской музей весьма озабочен неопределённым статусом находящихся на его хранении непрофильных произведений, в частности, старинных русских икон. Эти произведения представители Американской военной администрации передали музею на временное хранение. Руководство музея полагает целесообразным от этих ценностей избавиться и обращается за рекомендациями к американским властям.

Ответ Госдепа был более чем лаконичным: Висбаденский музей может распоряжаться иконами по своему усмотрению. Широкий заокеанский жест был подписан руководителем программы реституции США Арделией Холл. Дальнейшие поиски Штайна увенчались весомым результатом: среди служебной переписки он обнаружил документ о том, что в 1959 году городской музей Висбадена избавился—таки от собрания русских религиозных раритетов и передал их музею старинных икон в Реклингхаузене. Искательский порыв требовал выхода, и Штайн, накануне рождественских каникул, без особых надежд на успех, поехал в Реклингхаузен выяснить ситуацию на месте. Директора музея старинных икон заставить не удалось, но его секретарь подтвердила: русские иконы, полученные из Висбадена, находятся в надёжно запечатом хранилище.

В газете “Die Zeit” он публикует заметку об удерживаемых германским музеем монастырских сокровищах из России. Эта информация взбудоражила прессу. Руководители музея в Реклингхаузене пытались публично оправдаться: дескать, они вынуждены хранить русские иконы в запечатом помещении, чтобы “предохранить их от моли”. Главный вопрос: с какой целью музей предохраняет от моли ценности, вывезенные нацистами с территории Советского Союза, авторы отписки обошли. Пресса буквально набросилась на “бестактного” Штайна, последовали оскорбительные выпады, насмешки: “завистливый нытик”, “желающий подзаработать фермер”. Некоторые западногерманские газеты называли его предателем, лжецом и фантазёром. Ему давали понять: он частное лицо, “не имеющее полномочий представлять интересы государства,

именуемого Советским Союзом”; “Фермеру не позволено подменять компетентные структуры дипломатии”.

Однако Штайн не сдавался. Все силы и последние сбережения он тратит на безумную борьбу за возвращение сокровищ истинным владельцам. Не имея возможности установить какую-либо связь с Русской Православной Церковью или с администрацией ограбленного во время войны монастыря в русском городе Печоры, Штайн в общих чертах представлял непростые взаимоотношения Церкви и советского государства. Он отважно обращается за советом и поддержкой в православный монастырь на Афоне и в августе 1971 года отправляет письмо на имя архимандрита Илиона. Сообщая о своей находке, Штайн просит помочь ему связаться с монастырём города Печоры. На Афоне знали о скандальной шумихе в германской прессе вокруг заявления искателя, и о. Илион обращается за советом к архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому. О. Давид соглашается с тем, что письмо немецкого автора “производит странное впечатление, поскольку его представления об Афоне и Псково-Печерском монастыре приблизительны, но пренебрегать информацией опытного искателя нельзя”. По мнению архиепископа, Псково-Печерский монастырь и Московская Патриархия могут ходатайствовать о возвращении ценностей. “Но при этом возвращённое должно попасть в монастырь, но не к советским властям”.

С Афона Штайн получает письмо, где ему предлагается сообщить место нахождения сокровищ в настоящее время. Вскоре Русский монастырь св. Пантелеймона приглашает его совершить паломничество в Грецию. Штайн немедленно принимает приглашение.

Его, немецкого католика, братья православных приняла с особым вниманием: в соборном зале при участии гостя Совет монастыря обсудил возможности содействия по возврату находящихся в Германии российских святынь. Здесь, на священной горе Афон, уже имелись сведения, подтверждающие вывоз оккупантами ценностей Псково-Печерского монастыря. В ходе собственного расследования здесь были тщательно опрошены прибывшие из ограбленной нацистами обители иеромонахи, которые и подтвердили факты “вскрытия священного хранилища по приказу немецких властей”. Очевидцы свидетельствовали о “взятии и увезении в Германию” монастырских сокровищ. Совет монастыря св. Пантелеймона на заседании констатировал: **монастыри в СССР не имеют правового положения, и возврат ценностей возможен только по согласованию с государственными органами.**

В Большой Лавре под тысячелетним платаном Георга Штайна принял самый высокий чин Афона. Монастырский Совет вынес окончательное решение: просить Г. Штайна принять полномочия монастыря для решения вопроса о возвращении незаконно вывезенных сокровищ. Совет выразил намерение безотлагательно оповестить по своим каналам Московский Патриархат о выявленных ценностях и об установленном контакте с Георгом Штайном.

Грецию искатель покидал, имея на руках официальное “Послание” Русского монастыря на Афоне. Заверенный священной Великой Печатью и подписанный игуменом документ предоставлял германскому гражданину Георгу Штайну “право вести переговоры о возвращении незаконно вывезенных нацистами сокровищ от имени Русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне”. В “Послании” выражалась просьба: “в случае отыскания все церковно освящённые предметы не должны быть допущены в светские мирские музеи Германии и Советского Союза, но чтобы они были возвращены монастырю... в противном случае все эти вещи должны быть отданы на хранение в Русский монастырь на Афоне”.

К этому времени фермер и поисковик Штайн уже заложил почти всё своё состояние. Доходов — никаких. Тревожило и долгое молчание Москвы, откуда должны поступить документы, подтверждающие факт хищения сокровищ Псково-Печерского монастыря, а также подробные списки утраченных монастырём ценностей.

Наконец, из Москвы вслед за телеграммой митрополита Никодима на имя Штайна поступила солидная корреспонденция с огромным, на нескольких страницах, списком “Предметов комнаты сокровищ Псково-Печерского монастыря”. Опуская подробности, характеризующие каждый предмет, Штайн понял — это действительно сокровища.

Среди них: серебряные, с золотом кружки, бокалы, сосуды, ложки; блюда старого серебра с золотым узором, чаши серебряные, “тяжёлые святые тарелки; картины “Ефросинья Полоцкая”, “Святая Мария”, “Иисус Христос”; уникальная коллекция серебряных талеров с 1723 по 1840 годы; четырёхгранный бриллиант 9x10 мм; оклад и цепь со многими камнями; монеты и медали разного металла и достоинства, весом 65 кг; иконы, книги в серебряных окладах, священные облачения и украшения драгоценными камнями старинные уборы...

Официальный Бонн был чрезвычайно раздражён попытками Штайна вступить в диалог с музеем в Реглинхаузене по поводу неких церковных регалий. С точки зрения международного права, предъявленные им полномочия афонского монастыря “важного значения не имеют”. Однако попавшая на страницы газет история о секретном хранении русских ценностей в германском музее делала своё дело. Информация о действиях Штайна, направленных на то, чтобы добиться возвращения незаконно вывезенного нацистами имущества русского монастыря, быстро распространилась по всем православным храмам в Грузии, Армении, Бельгии, Греции, Германии...

5 апреля 1972 года, накануне Пасхи, Георг Штайн по приглашению Московской Патриархии вылетел в Москву.

Весной 1944 года склады рижского сборного пункта ломились от невероятного наплыва культурных ценностей, вывезенных с оккупированной территории России. Бывшие музейные специалисты и профессор именных университетов Германии, не покладая рук, занимались оценкой и подготовкой списков намеченных к отправке в хранилища рейха предметов культуры. Среди экспертов не оказалось ни одного специалиста со знанием русского искусства и языка, что не позволяло даже расшифровать авторские подписи на известных картинах. Тут же изготовлялись ящики, на упаковки наносились условные обозначения, произведения присваивалась новая маркировка. Некоторые картины и книги уничтожались на месте, старинные иконы помещались в ящики без описаний и регистрации. Первый эшелон из 9 вагонов с конфискованными в музеях, дворцах и монастырях культурными ценностями был отправлен из Риги на территорию Германии 15 марта 1944 года. Вслед за ним ушли ещё 4 вагона.

Содержимое “Комнаты сокровищ” отправили под усиленной охраной 3 мая 1944 года. Накануне отправки был срочно оформлен договор “о взятии монастырских ценностей на хранение” — случай в практике нацистской конфискации уникальный. Груз, следующий на территорию Баварии, под Ансбах, принял под личную ответственность владелец старинного замка Кольмберг, бывший германский посол в Японии, д-р Эрнст-Артур Форедж. Он согласился хранить огромный массив ценностей в помещениях замка по личному обращению рейхслайтера Розенберга.

Экс-посол Форедж презирал приобретательский ажиотаж в среде германской элиты, за бесценно скупающей награбленные предметы культуры оккупированных стран, включая образцы “дегенеративного искусства”. Ему, известному коллекционеру, претило, что тысячи и тысячи полотен, гравюр, икон, церковной утвари широким потоком уплывают на процветающий “чёрный рынок” Европы и Америки. Его раздражала безудержная погоня за наживой, когда бесценные раритеты переходили из рук в руки без каких-либо юридических формальностей и таможенного контроля. Некоторое успокоение внесли ялтинские договоренности антигитлеровской коалиции — после неизбежного краха Гитлера Ансбах с его родовым замком Кольмберг будет оккупирован американцами. К их приходу и надо подготовиться. Его страшила мысль о том, что замок мог оказаться в зоне действия русских войск.

Д-р Форедж договорился с Розенбергом о командировании своего племянника — сотрудника оперативного штаба Адальберта Фореджа — для работы в замке. Адальберт до призыва в армию был научным сотрудником Берлинского музея. Он взялся за работу над списками и описями поступающих в замок российских предметов. Как мог, систематизировал минимальную информацию о прежних владельцах и местах происхождения российских ценностей. С учётом возможного прихода американской армии, дядя с племянником формировали досье о перемещениях русских ценностей в другие хранилища на территории Германии и Австрии.

Основной массив прибывших из Риги ценностей был размещён в гараже и флигеле замка. Предназначенные для сверки и переупаковки ящики с предметами приходилось перемещать в замковые помещения и поднимать на второй этаж. Маркировки штаба Розенберга указывали, что в ящиках упакованы ценности Новгорода, Пскова, Истры, Смоленска, Павловска, Гатчины, Петергофа, Царского Села. Дядя с племянником с особой тщательностью проверили состояние ящиков с предметами Псково-Печерского монастыря, внимательно просмотрели перечни всех 614 предметов. Они были на месте и в полном порядке.

Телефонный звонок из Ансбаха был неожиданным, странным и тревожным. Некий господин Гоппель представился сотрудником возглавляемого Розенбергом Министерства по оккупированным территориям и уведомил, что прибыл с полномочиями осмотреть находящиеся в замке вещи из русского монастыря г. Печора. Опытный дипломат усомнился в целесообразности полномочий собеседника — Министерство не имеет права самостоятельно посягать на собственность Русской Церкви. Гоппель сбавил обороты и доверительным тоном поведал, что ему на самом деле поручено отобрать и на некоторое время изъять несколько предметов. На вопрос Фореджа — с какой целью? — чиновник после долгого раздумья пояснил: для публичного предъявления епископу монастыря. Понял недоумённое молчание владельца замка и прокомментировал сказанное. Большевицкая пропаганда продолжает клеветническую кампанию о якобы массовом ограблении и вывозе на территорию Германии российских культурных ценностей. Всё чаще кремлёвские газеты напоминают о сокровищах Печорской церкви. Руководство Министерства гауляйтера Розенберга намерено разоблачить большевицкие бредни. Принято решение под камерами кинохроники публично передать монастырскому руководству некоторые объекты из их коллекции.

Матёрый дипломат попытался объяснить Гоппелю изъядны министерского замысла. Находящиеся в замке регалии и другие ценности монастыря — имущество особого статуса: оперативный штаб Министерства обязался осуществлять его охрану на территории рейха. На этот счёт имеется документ, скреплённый в Риге подписями представителями штаба и монастыря. Поэтому даже сам господин Розенберг не посмеет вскрывать ящики в отсутствие полномочного представителя монастыря, тем более — изымать и возвращать кому-либо изъятые предметы. Гоппель слушал и молчал, Форедж, похоже, ситуацию просчитал грамотно. Хозяин замка продолжал: поскольку церковные ценности находятся в нашем распоряжении, кинохроника усугубит ситуацию, и большевики этот факт используют наверняка.

Обескураженный посланец ведомства гауляйтера Розенберга повесил трубку.

В середине апреля 1945 года полк 3-й Армии США с боями вышел к замку Кольмберг под Ансбахом. Засевшие в замке гитлеровцы были «выкурены» сильнейшим обстрелом с применением разрывных танковых гранат. Спустя два месяца командование части докладывало: в хранилищах замка обнаружены художественные ценности русского происхождения (иконы, картины, фарфор, мебель, античное оружие, религиозные атрибуты и другие ценные предметы). В докладе сообщалось, что владелец замка представил своего племянника — научного сотрудника Берлинского музея и хранителя «замкового тайника с ценностями».

Имевшиеся у владельца списки ценностей американцы изъядли и направили в распоряжение Мюнхенского коллекционного пункта, который был организован в бывших апартаментах фюрера. На склады пункта хлынул поток найденных ценностей. Координацию поиска нацистских хранилищ, доставку в пункт и возвращение найденных предметов заинтересованным странам осуществляли высокопрофессиональные специалисты. Рассмотренные ими списки из Кольмберга произвели большое впечатление — находящиеся в замке иконы и другие предметы искусства рекомендовано срочно переместить в Мюнхен. Для этого затребовали 25 грузовиков общей грузоподъёмностью 2,5 тонны. В отчёте о перевозке сообщается, что один из грузовиков с ценностями из России по дороге в Мюнхен перевернулся и рухнул в пропасть.

В архивах Министерства внешней торговли СССР были найдены документальные свидетельства того, что многие предметы культуры российского происхождения были отправлены из Мюнхена в распоряжение советских властей.

Эти сведения подтверждались документами Национального архива США. Среди возвращённых американцами грузов **имущества Псково-Печерского монастыря в СССР не обнаружили.**

Можно предположить, что американские эксперты, следуя установкам своего руководства, за спиной советских союзников решили ограничить возвращение найденных в Германии ценностей, вывезенных нацистами из Прибалтики, поскольку прибалтийские страны накануне войны были оккупированы Советским Союзом, а монастырь г. Печоры, по предположениям союзников, находился где-то на территории то ли Эстонии, то ли Латвии. Монастырские регалии были переданы в городской музей Висбадена. И в течение 30 лет пребывали за семью печатями в полной безвестности, и будущее их оставалось неопределённым. **Если бы не Георг Штайн.**

Фермера-искателя, прибывшего в Москву под Пасху, в Московской Патриархии встретили радушно. Наградили орденом св. Владимира II степени, провезли с почестями по Золотому Колецу и в июне проводили на родину. В его адрес от некоторых граждан ФРГ продолжали поступать письма с угрозами, но, окрылённый доброжелательным приёмом в Москве, Штайн устремляется на продолжение поисков Янтарной комнаты и пытается получить доступ к засекреченным документам СССР и ГДР.

Монастырская коллекция в мае 1973 года благополучно вернулась на своё законное место в ризнице Псково-Печерского монастыря. Её передал Патриарху Пимену генеральный консул ФРГ.

Штайн продолжает поиски Янтарной комнаты, пытается получить доступ к засекреченным документам восточногерманской спецслужбы Штази. Советский писатель Юлиан Семёнов в 1983 году публикует в “Комсомольской правде” серию очерков о деятельности искателя, пишет о нём в книге “Лицом к лицу” (М., 1985), популяризирует его устремления, следит за ходом поисков и высказывает опасения – жизнь Штайна в опасности. Летом 1987 года кончает самоубийством отчаявшаяся после разорения жена Штайна, Георг уезжает в Мюнхен, и там его упрятывают в психиатрическую больницу. За неуплату налогов с аукциона продаётся его дом в Штелле. Он считает, что это месть властей ФРГ за поиски Янтарной комнаты и “за историю с монастырскими ценностями из Пскова”. Огромный архив бескорыстного искателя заперт в пустом доме. Друзья пытаются его спасти и вывести в безопасное место.

Труп Георга Штайна был обнаружен 20 августа 1987 года среди развалин старинного замка в Баварии. В рапорте комиссара полиции записано, что “жертва получила несколько ударов ножом в живот”. Так на Западе расправились с человеком, который искренне пытался восстановить историческую справедливость и вернуть национальные святыни России на родину.